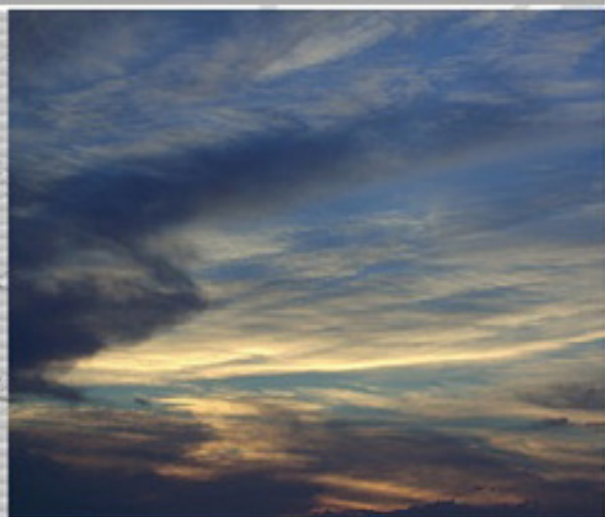

ЕЛЕНА
БЕЗРУКОВА

книга ветра

Дом а треснуло ноща с х
Хатъ прожитъ, а хатъ
Да посидиго край ска
Да прощанай, а может

Что за прихатъ негач
От которой бежатъ на
Хатъ вогдай да ждеван а
Чтоб вернутъся травон

Дня торопятъ насущны
Преходя по траве, тв
То а, то а, то а в
Эта жизнь земля кра

увидка
праны, с
зуб ветх
нянбий к

маке молчанье наввёт,
Вна запах хлеба с огня.

ивый день, струящийся мёд,
ержка в глазах меня

лук ватках от мёртвой неми

Вечером в тишине, когда

Библиотека российской поэзии

Елена Безрукова

Книга ветра

«Маматов»

2015

Безрукова Е.

Книга ветра / Е. Безрукова — «Маматов», 2015 — (Библиотека
русской поэзии)

...«Книга ветра» Елены Безруковой от стихотворения к стихотворению
раскрывает нам удивительную вселенную, мир нашей современницы, глубоко
причастной к духовной традиции родной культуры – и уже обретшей свой
неповторимый голос, гармоничный поэтический универсум...

Содержание

Листая ветер	6
Книга ветра	11
Тревога, патока подкожная...	12
Дай сбыться всему, что нависло...	13
Если загадывать – то ливень густой в окно...	14
Медленные ночи расставаний...	15
Господи, сколько назначено...	16
Где россыпью дома...	17
Я просыпаюсь. Я схожу с ума...	18
Я взяла эту ноту – значок...	19
Как пыль с плаща...	20
Это – пульс разбега...	21
Какое проступает расставанье...	22
Вот улыбка – лодочка, челн...	23
Замолчала река, пряча тайны свои в зазеркалье...	24
Что ещё за кадром остаётся?...	25
Посмотри на восток...	26
Струна моя, душа моя, тоска...	27
Кромка прибрежных снов, пережиток, память...	28
Хватая сердцем жизнь, как небо ртом...	29
Жар прорывая коленями и локтями...	30
Ангел-хранитель	31
Кто эту ноту вприснул в этот воздух?...	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Е. Е. Безрукова

Книга ветра

© Е. Безрукова, 2015

© Издательство «Маматов», 2015

Листая ветер *О поэзии Елены Безруковой*

Драгоценный поэтический дар, несомненно более значимый, чем любые эксперименты с обновлением формы и содержания, – стремление к предельной искренности и ясности, крайней степени достоверности ощущения жизни. Ведь именно из этого ощущения рождаются и органичность стихотворных форм, и уникальность индивидуального, личного поэтического мира.

«Книга ветра» Елены Безруковой от стихотворения к стихотворению раскрывает нам удивительную вселенную, мир нашей современницы, глубоко причастной к духовной традиции родной культуры – и уже обретшей свой неповторимый голос, гармоничный поэтический универсум.

Поэзия сама по себе – стихийна, и потому напрямую родственна Природе. Книга Безруковой насквозь пронизана природными стихиями – это воды, ветра, это отражающие их мело-

дии и чувства... Стихию невозможно подчинить, её возможно только ощутить и осмыслить – тогда она сама становится частью высшего замысла, его музыкой, доступной и внятной поэту.

*Ты есть во всём живом, ты – сама вода,
Всё породняя тёмной стихией этой.
Все тебя видят. Никто тебя не видал.
Все только верят, что ты существуешь где-то.*

Доверяясь «Книге ветра» с первых строк, довольно быстро понимаешь: тебе предстоит прочувствовать, прожить то трагическое и светлое состояние молодости, когда так пронзительно ощущается инстинкт истины, когда сквозь реальность обыденного мира всё время отчётливо проступает реальность духа. Трудно – почти невозможно! – определить, что же из них всё-таки реальнее, и приходится делить цельный и целостный мир на этот, зримый и осязаемый, и тот, не менее властно убедительный:

*Посмотри на восток: к нам оттуда идут облака.
Есть ли вести из дома? —
Я жду, приподнявшись с постели.
Мы не знаем, откуда мы родом, но издалика,
Потому что привыкнуть к земле
до сих пор не успели...*

Потом, позже, происходит понимание и соединение этих миров в сердце, в душе. В идеале человек был и остаётся средоточием, точкой схождения всех смыслов бытия, но это ещё предстоит осуществить поэту – и сколько силы нужно на то, чтобы накрепко соединить в себе духовное, идеальное – и материальную реальность!

В мире стихий, перед временем, перед Природой, судьбой, любовью и смертью человек открыт настежь, он ничем не защищён и так остро чувствует свою слабость, свою мгновенность! – но вот именно здесь, в том понимании чудесным образом и рождается его сила. Поэтическое достоинство книги в том, что Елена Безрукова в каждом своём стихотворении стремится к пределу – то есть к обретению силы:

*Хватая сердцем жизнь, как небо ртом,
Когда дыхание – сплошь из передышек,
Друзья мои, мы плачем об одном,
Когда о разном говорим и пишем...*

Авторское поэтическое доверие (тоже – предельное!) обязывает и читателя. «Книгу ветра» нельзя перелистывать отстранённо, с холодным сердцем. Её придётся именно прожить. Непривычный, но такой узнаваемый свет озаряет строки изнутри, постоянно подсвечивает реальность – а иногда она просто стирается, и тогда свет бьёт в глаза напрямую. Это ощущение жизни на её максимальную глубину (высоту) насыщает смыслом обыденные штрихи и детали.

*Я различаю трещины в коре
Земли что держит и меня и маму
И смотрит мёртвый голубь во дворе
Упрямо
В меня а там в солёной глубине
Едва качнётся стрелкою минутной*

*Резиночка от варезки ко мне
Мой грязно-белый стропик парашютный.*

В творчестве Елены Безруковой нет так называемой поэтической «гладкости» – поэтесса владеет, может быть, не столько (пока) внешней формой стиха, сколько (уже!) его силовым полем, удивительно точным движением чувств и мыслей – к невыразимому.

Естественно и прекрасно состояние, когда под напором поэтической силы ломаются синтаксические конструкции, не хватает слов – и приходится додумывать что-то буквально «на ходу», в потоке речи, но зато – как свежо и достоверно, до болевого, ощущение жизни,

*Где спросонья воздуха пригубишь,
Словно из твоих прохладных рук.
Где ещё не знаешь, что погубишь,
Веточкой очерчивая круг...*

Высокое поэтическое косноязычье – добрый знак! Знак силы, обещание будущего. Поэт, к счастью, словно не знает, что есть нечто невыразимое – ему хочется выразить всё, и – о чудо! – за строками, над ними – это удаётся.

*Какая глубина
горячий лоб изранит,
Когда отроешь дверь
и по свету пойдёшь,
По свету, по земле,
в рассвет сырой и ранний,
Где лик умоет дождь,
переходящий в дрожь...*

То предельно усложняя, то впадая в «неслыханную простоту», – все средства хороши, чтобы приблизиться к истине! – поэт ведёт нас таинственными путями стихий. И сам он, весь он – стихия, потому что это в нём отражены река, ливень, снег, деревья, птицы, поля – из глубины его души проступают таинственная лестница в высоту, сад с загадочным домом, неуютная колыбель неведомого горя...

Мелодии стихов очень разнообразны. Елена Безрукова свободно чувствует и глубокое дыхание долгой строки, и спринтерский ритм строки короткой. Чувство органично «ложится» на музыкальную канву, и она, как волна, несёт мысль от строфы к строфе. Порой возникает и ощущение музыкальной инерции – так пловец, устав бороться с волнами, отдаётся их воле и отдыхает, набирая силу. Но когда жёсткая «клетка» чётко организованного ритма становится поэту тесной – тогда рождается другая, свободная речь:

*А кроме любви ничего и нет.
Проснусь оттого, что ребёнок во сне повернулся
И пяточки мне положил на живот.
Живёт,
Как будто скользит по воде – я хочу дотянуться,
А всё не могу, безумия недостаёт.
Шумит Вселенная всеми своими ветвями,
И падают яблоки ночью с ветвей.
Не сплю, а слушаю воздух, летящий над нами,*

И спящие реки подземных вен.

Но и в свободной речи поэта нет уже ставшего грустно привычным для нас, читателей, авторского произвола, есть только веление чувства, путь мысли – и это тоже добрый знак!

Стихи «Книги ветра» пронзительно современны – об этом уже было сказано. Их современность родом из традиции, где человек – зеркало мира, тот, кому дано видеть, ощущать, сотрудничать с незримым, угадывая небесные токи, пропуская через свои нервы силовые линии бытия. Сознание всё время скользит по тонкой грани между внешним и внутренним, и стихии внешнего мира, пересекая невидимую границу, становятся любовью, тоской, гордостью, смирением или смутой.

*Этот ветер – то ли след помела,
То ли бабочка крылом повела?
То ли в памяти сквозь темень вошло
То, что ветра поднимает крыло?*

Книга насквозь полифонична: мелодии и темы, как воздушные потоки или прозрачные водяные струи, легко переплетаются, распадаются на струи, откликаются друг другу через расстояния. Постоянным остаётся ощущение нити – связи с миром – нерва, по которому идёт таинственный ток. Ниточка ли это от воздушного шара, лёгкой детской радости? Нить ли это Ариадны в каменном лабиринте обыденной жизни? Нить дороги, разрезающей просторы родного поэту Алтая? Или собственная жилка, пульсирующая в зажатом кулачке лирической героини?

*Я вода – я хлыну,
я темна – я вижу
Света золотого неземной огонь.
Если больно, значит, я сумею выжить.
Значит, мне ты ниточку вложил в ладонь...*

Избранное Елены Безруковой выходит в свет в непростые времена. Мучительно и страшно сознавать, что человек заблудился в этом мире, отрёкся от Природы – в том числе и от Природы в себе самом, и сегодня, пожалуй, только поэзия во всю свою силу стремится говорить с нами о том, на чём держится жизнь, куда она стремится и чего ждёт от нас.

Состояться, обрести свой голос, открыть свой мир сегодня трудно, кажется, как никогда. Но испытание силы – не есть ли её обретение?

*Когда б нам думать в эту высь,
Как тяжки дни и тщетны цели, —
Мы никогда б не долетели.
Мы от земли б не поднялись...*

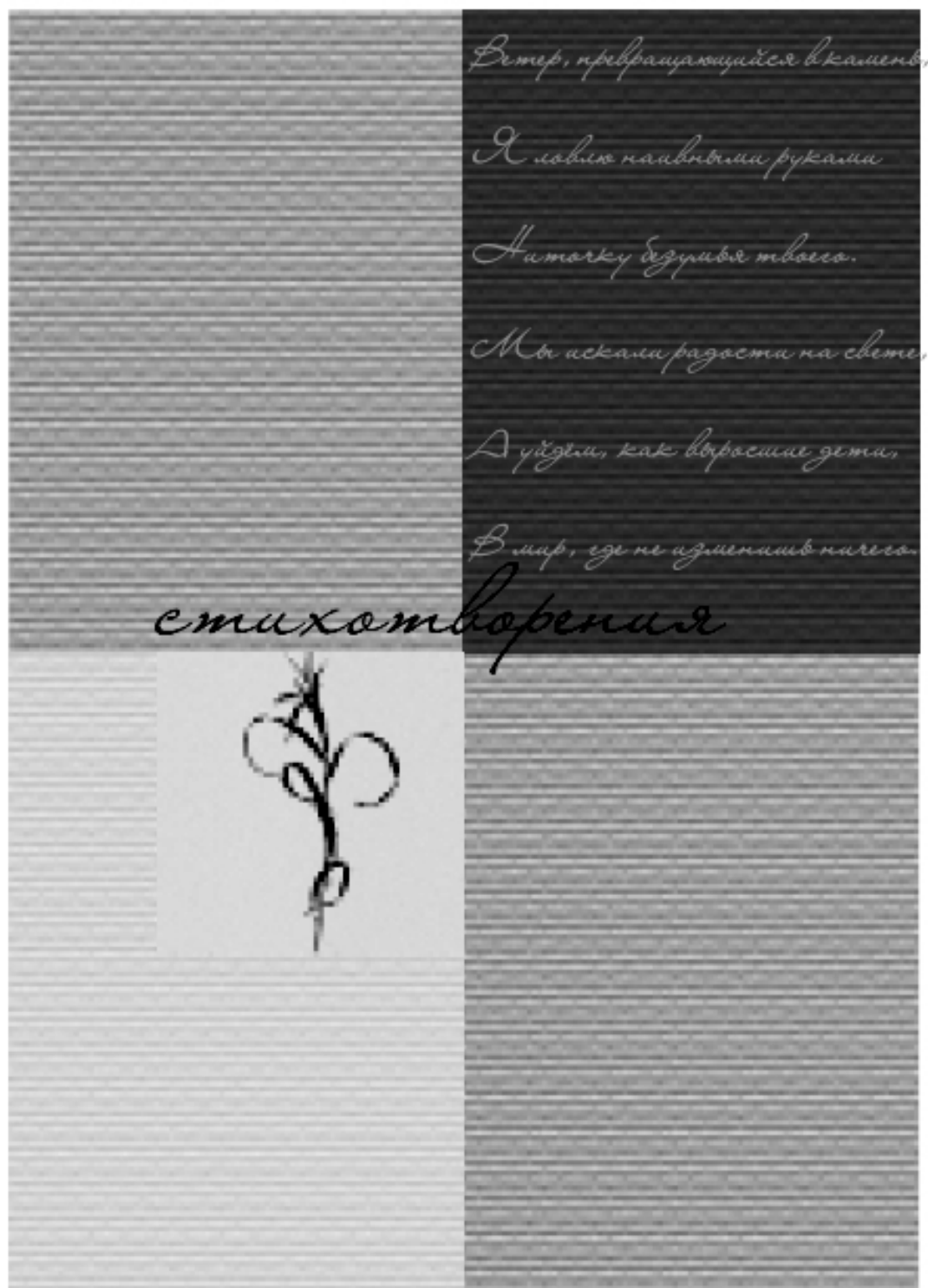
И вот они, строки уже не на юношеском пороге жизни, а в её стремнинах, на её неумолимых ветрах, слова на долгое, непростое, но до краёв наполненное поэзией событие с целым миром:

*И чтобы ты мне запомнилась
Сквозь жаркого солнца холодность,
Приди и пролейся, молодость,*

*Беспечностью дождевой,
Дневную тоску взрывающей,
Движеньем – к душе взывающим,
Стремленьем – пока жива ещё,
Остаться ещё живой.*

Нина Ягодинцева

Книга ветра стихотворения

Тревога, патока подкожная...

Тревога, патока подкожная,
Густая кровь за поворот
Реки – я верю в невозможное!
Река захлёстывает рот,
В её разладе тело корчится,
И плыть – как петь за упокой:
Ещё чуть-чуть – и жизнь закончится,
Ещё чуть-чуть – и жить захочется,
Пропавшей, смертной, хоть какой...
Побереги меня внезапною
Пунктирной мыслью обо мне
Не в тишине под ряской затхлую,
А в этой страшной глубине,
Где голоса, как нитки, порваны,
Где кости выгнуты в упор,
Где пузырьки птенцами чёрными
Срываются с подводных гор...

Дай сбыться всему, что нависло...

Дай сбыться всему, что нависло
Над кромкой усталой земли!
Вон сходятся буквы и числа
В грозящей грозой дали —

Всё то, что мы скудно делили,
Всё то, что хотели спасти,
От взмаха мятущейся пыли
Рванёт по свинцовой степи,

Как чёрный табун сумасшедший
От сна предрассветных оков
Несётся на волю поспешно
Сквозь кольца широких зрачков.

Ты слышишь их бег в своём теле.
Ты знаешь какой-то запрет,
Чтоб кони прорваться успели
На белый, мерцающий свет...

Проснуться б, разбить о ресницы!
Да их ворожба не даёт.
Их пенная шкура дымится,
И гневные ноздри вот-вот...

И веет бедовым поверьем
Их запах — как близость поры
Оставить открытыми двери
И слить воедино миры...

Если загадывать – то ливень густой в окно...

Если загадывать – то ливень густой в окно,
Мокрые ветки – русалочки косы, руки...
Мысль – это брод не за реку, а на дно,
И если она спасенье – то лишь от скуки.

Как голова одуванчика, ноглупей,
Лампа фонарная – всё-то кивнуть боится.
Улица голубятен без голубей,
Узкая и прогорклая, как больница...

Брось врачевание, в белом не мельтеши,
Капельнице не стать никогда веной.
Что ни чужой – все к тебе, да на дно души,
Словно другого места нет во вселенной.

Думаешь, там хорошо? Кто тебе сказал? —
Пыльный чулан, сырость по стенам плачет...
Ну, в лучшем случае – смытый дождём вокзал,
Где мокрый тополь беглую птицу прячет...

Медленные ночи расставаний...

Медленные ночи расставаний.
Чёрные от света фонари.
Я больна тенями и словами,
Точно плод с распадом изнутри.

Косточка, подточенная смертью,
В мякоти, как точка на мольберте,
Ты – начало, семечко, зерно.
Ты полна надеждой осторожной,
Потому что всё ещё возможно,
И ещё ничто не решено...

Ветер, превращающийся в камень,
Я ловлю наивными руками
Ниточку безумья твоего.
Мы искали радости на свете,
А уйдём, как выросшие дети,
В мир, где не изменишь ничего.

Господи, сколько назначено...

Господи, сколько назначено
Горя, любви и души!
Светом нездешним оплачено
Предназначение жить.

Воздух вдыхая, подраненный
Неразделённой весной,
Всё принимаю заранее,
Что ты задумал со мной.

За дерзновенье довериться
Вещей печали твоей
Жизнь никогда не изменится
На подражание ей.

Строки бедою горячечной
Рушатся между висков.
Сколько души нерастраченной!
Вот и неси высоко.

Где россыпью дома...

Где россыпью дома,
Машины и собаки,
И булки голубей,
И семечки с руки, —
Там лестница висит,
Незримая для всяких,
Кого маршрутки ждут,
И служба, и долги.

Ступеньку улови,
Как подбираешь ноту,
Чтоб спеть всего себя,
Не допуская лжи.
И точно тёплый мёд
Закладывая в соту,
В один воздушный шаг
Весь замысел вложи.

А дальше поспешай,
Как воробышка, прытко —
Ведь лестница летит,
Ведь лестница плывёт.
А хочется узнать,
Чем кончится попытка,
К чему прикреплены
Верёвочки её.

А дальше, дальше что?
Раскачивает ветер
Верёвочную ось
Всей музыки моей.
Два мига, два шажка —
И краешек засветит!..

Но чем взрослее я,
Тем лестница
длинней...

Я просыпаюсь. Я схожу с ума...

Я просыпаюсь. Я схожу с ума.
Ночь так напряжена: шепни – и рухнет!
И остро дышит первая зима
В открытой наспех форточке на кухне.

Горячим взглядом по двору скольжу,
Снег выпавший слезами прорезая,
И что-то важное до боли зная,
Ищу слова – и слов не нахожу.

Что означают снега мотыльки
И тишина, отточенная снегом? —
Что жизнь и смерть (хоть та и ходит следом),
Что жизнь и смерть – безумно далеки.

Расстанемся, состаримся, умрём,
И пауза замрёт, как будто нота.
Но вдруг проснётся и заметит кто-то,
Как остро пахнет снежным октябрём...

А снег смотреть – что колыбель качать:
Какие в этом счастье и кручина!
Но мне не стыдно плакать беспричинно
И жить, а это значит – ощущать...

Я взяла эту ноту – значок...

Я взяла эту ноту – значок
В партитурном корявом разбеге,
Карандашный отточенный штрих
С червоточиной – да и всего.
Взбудораженно и горячо,
Через воздух прокуренный, пегий,
Лишь её – среди звуков других,
Точно лучше и нет ничего...

Я взяла её...
В гулких висках,
В чутком трепете каждого нерва
Резонирует горечь её,
Как судьба на ладони дрожит.
Боже мой, как она высока,
Что другую такую, наверно,
Я уже никогда не возьму,
На другую не хватит души!

А в глазах всё темней и темней...
И со звуком последняя сила
Из души постепенно ушла,
Оставляя одну немоту.
Жизнь моя, да зачем же ты мне
Высотой глаза заслонила
И дорожную нить провела —
Да не так, и не там, и не ту?

Как пыль с плаща...

Как пыль с плаща,
Слетит благополучье.
И тронет белизной: «А кто же ты?»
Ты одинокий путник,
Ты попутчик
Трясущейся вагонной пустоты.

Ты вышел на перрон на полустанке,
Ты умер там.
И в разных сторонах
Развеет ваши с поездом останки,
Развеет звуки в ваших именах.

Как ты в степи
Прислушивался к звуку —
В пустой травинке
Времена гудят —
Так пустота взяла тебя под руку
И повела на родину назад.

Это – пульс разбега...

Это – пульс разбега,
это жарко,
странно.
Воля, время, ветер —
по моим плечам.
Лёгкое скольжение моё,
мне страшно
От вибраций скорости твоей звучать.

Это лики бога —
в человеческих лицах.

В темноте автобусной туннель сквозной.
Проведи меня,
не дай сморгнуть мне,
сбиться.
Взглядом чьим-нибудь
заговори со мной.

Я вода – я хлыну,
я темна – я вижу
Света золотого неземной огонь.
Если больно, значит, я сумею выжить.
Значит, мне ты ниточку вложил в ладонь.

Какое проступает расставанье...

Какое проступает расставанье
Сквозь этот воздух тёмный и сырой!
Ни время и ни даже расстояние,
Ни тягостной тревоги разрастанье
Не метят в нас ни камнем, ни стрелой.

Мы живы так, как будто жизнь согласна,
Чтоб мы, войдя, остались насовсем —
Без перемен, без спешки и соблазна
Жить безнадёжно и любить напрасно.
– Но по-другому, – скажешь ты, – зачем?

И потому, предчувствием тревожа,
Когда тревога глубже и длинней,
Жизнь понесёт, натягивая вожжи.
Любовь? – Не знаю, кажется, похоже.
Расстанемся, не говоря о ней.

Потом мне будет просто и устало
В прошедшем говорить «любимый мой...».
И разлучила жизнь, и расхлестала.
Теперь из жизни той, как прочь с вокзала,
Где глянут понимающе – «домой».

Вот улыбка – лодочка, челн...

Вот улыбка – лодочка, челн
В страны, где в пыли босиком
Жизнь ветхозаветнее, чем
Глиняный кувшин с молоком.

В домике молчанье плывёт,
Словно запах хлеба с огня.
Сонный день, струящийся мёд,
Подержи в ладонях меня

В двух витках от мёртвой петли,
В двух глотках от мёрзлой земли,
В детском сне, детсада окне,
Где рукою сын машет мне.

Помню жизнь на запах и вкус.
Помню и запомнить боюсь
Дым табачный, рот в молоке,
Вечные, как жизнь в мотыльке...

Замолчала река, пряча тайны свои в зазеркалье...

Замолчала река, пряча тайны свои в зазеркалье,
И ветра не зовут, лишь меня продувают насквозь.
И живут во мне думы – древней, чем рисунки на скальных,
Ну, а сердце неопытно, будто вот-вот родилось.

...Мама, ты и не знаешь, я втайне тебе обещала
Быть счастливой, чтоб ты никогда не жалела меня.
Что ж я делаю здесь и куда я бреду одичало,
На ветра в своём сердце советы твои разменяв?

Я не странник ещё на дорогах, от мудрости чёрных,
И слаба моя вера, и холодно мне на ветру.
Я ещё не из этих, потерянных и посвящённых,
Но в своём обещанье я вру тебе, милая, вру...

Что ещё за кадром остаётся?...

Что ещё за кадром остаётся?...
В кадре руки в луже ключевой
Веточкой размешивают солнце,
Белое от пены кучевой.

Только ил из недр окаменелых,
Только перья почвы под водой
По спиралям медленным и смелым
Следуют по веточке за мной.

То ли к свету, то ли к богу – руки,
Ветки, прорывая времена,
Будто прочь от голода и скуки
Прорастают к небу из меня.

Там, на чёрно-белом, троекратно,
Рухнет снег из тьмы над головой.
Где ты? Позови меня обратно
В день до первой боли огневой,

Где спросонья воздуха пригубишь,
Словно из твоих прохладных рук.
Где ещё не знаешь, что погубишь,
Веточкой очерчивая круг.

Посмотри на восток...

Посмотри на восток:
к нам оттуда идут облака.
Есть ли вести из дома? —
Я жду, приподнявшись с постели.
Мы не знаем, откуда мы родом,
но издавека,
Потому что привыкнуть к земле
до сих пор не успели.

Помаши им рукой,
облака нас не могут найти,
Мы утратили связь,
мы запутались за поворотом.
Даже просто любить —
не хватает нам этих пяти
Человеческих чувств,
точно ведомо большее что-то.

Над землёй голоса для земных —
так похожи на шум.
Мы уходим в пески,
а пески отпускать не желают.
Что за странную тайну
я в сердце глубоком ношу? —
Я забыла язык,
на котором она оживает.

Струна моя, душа моя, тоска...

Струна моя, душа моя, тоска...
Раскачивает ветер заоконье.
Я призраку, я промельку близка,
И ты сквозь пелену меня запомни.

Откуда знать мне, что произошло
Со мной, подвластной всем ветрам и силам,
И что – легко, а что невыносимо, —
Болераздел снегами занесло.

Пусти меня, больничная кровать,
Качаться ветром, отголоском думать:
Что мне теперь в пустые жилы вдунуть,
Коль жизнь дарить – почти что отдавать?...

Кромка прибрежных снов, пережиток, память...

Кромка прибрежных снов, пережиток, память,
Как мне исчезнуть, чтобы тебя не ранить,
В сеточке линий ладони твоей упрямой
Привкусом жизни – тонкой, порочной, пряной...

Пауза в строчке, клапан митральный, тихо,
Смерть в затяжном вагоне – табличка «выход».
И никому не скажешь, как страшно это —
Не позвонить с глупым вопросом: «Где ты?»

Хватая сердцем жизнь, как небо ртом...

Т. Баймундузовой

Хватая сердцем жизнь, как небо ртом,
Когда дыхание – сплошь из передышек,
Друзья мои, мы плачем об одном,
Когда о разном говорим и пишем.

Мы таинством словесным поросли.
Но, тайн боясь, проходят люди мимо.
Мы – нервы умирающей земли,
И наши клетки невосстановимы.

Ты книжных полок тронь иконостас,
И знание чьих-то строк придёт, как святость.
Кому ж ещё, кому, помимо нас,
Кому, помимо нас, ещё осталось

Читать дрожа, припав душой к строке,
Где каждый звук навзрыд перецелован,
Читать на нерасхожем языке
Поклонного молчанья перед словом,

Которое – пока ещё любовь,
Которое – пока ещё оттуда
И может быть в обличии любом
Проводником к начальному чему-то... —

Не называйте! Главному черёд
Быть названным – в свои наступит сроки.
И будет то, что зналось наперёд
И больно прорывалось через строки...

Жар прорывая коленями и локтями...

Жар прорывая коленями и локтями,
Вздрогну, проснусь: градусника шкала
Луч одинокий вверх к поднебесью тянет...
Бабочка паутину крылом прожгла.

Я не хочу за лучом. В этих мокрых тучах
Нам, сухопутным, вовсе пощады нет.
Что я в миру убийственных звёзд падучих?
А на ладони камушек держит свет.

А на ладони – той паутины нитки,
След от ожога с кожи уходит вглубь.
Глупо хранить лица, стихи, открытки
С первого класса – до смерти когда-нибудь...

Ангел-хранитель

Призрак ангела бродит по всем этажам,
Подбирая ключи и отмычки
К табакеркам уснувшим простых горожан,
Тех, что спят по ночам по привычке.

На площадке, где воздух промёрз, как цемент,
Об извёстку – окурок, и – снова:
Где же тот, отщепенец, дурак, пациент,
За каким притаился засовом?

Ангел выйдет во двор, от бессилья дрожа,
Вспоминая тоскою рассветной
То, как тёплую душу в ладонях держал,
И Господь улыбался приветно,

Как из тела на воздух святой выносил,
Тяжела – да не ищут полегче.
Как хватило у этого малого сил
Утащить её в мир человеческий?

И шатайся теперь, темнотой шебурша,
Будто ветер слепой в мелколесье.
Как он мог? Человечья ли ноша – душа?
Равновесье украл, равновесье...

Кто эту ноту вприснул в этот воздух?...

Кто эту ноту вприснул в этот воздух?
Кто в кровь мою речную – этот звук,
Чьё тельце бьётся в берегах венозных,
Как будто просит материнских рук?

Нет, музыка, тебя не существует!
Пропарывая небо плавником,
Твой звук посмертно черноту целует
И на тот свет уходит прямиком,

Сверкая пустотою изначальной, —

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.